

19 МАЯ 1971

О ТОВАРИЩАХ ПО ИСКУССТВУ

ПЕВУЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

*«Дорогая редакция! Очень прошу рассказать на страницах газеты о народной артистке СССР Тамаре Ханум.
Р. ПАК».*

Выполняя просьбу читателя, редакция публикует статью о Тамаре Ханум народной артистки СССР Галины Николаевны Загурской.

— Я ВПЕРВЫЕ увидела Тамару Ханум в музыкальной драме «Фархад и Ширин» в конце тридцатых годов, где она исполняла партию придворной плясуньи. Я только приехала в Узбекистан и потому по-особенному внимательно вглядывалась в национальное искусство, ходила в музеи, бродила по улочкам старого города и, конечно, посещала театры.

Исполнение Тамары Ханум покорило меня. Прошло с тех пор более трех десятилетий, а я и сейчас помню не только ощущение радости, которое меня охватило, но и необычный костюм актрисы и ее своеобразный грим. Помню редкостную пластичность, какую-то необычную танцевальность мягкой поступи, изящество жеста, певучесть движений всего корпуса...

И когда мне пришлось работать над сложным образом Джамили в спектакле театра имени Горького по пьесе выдающегося узбекского драматурга Хамзы «Бай и батрак», немалую роль сыграло мое восхищение узбекским танцем, который я впервые увидела в исполнении Тамары Ханум.

Позже я не раз встречалась с Тамарой Ханум уже певицей, вернее, поющей танцовщицей.

Любой концерт Тамары Ханум — галерея национальных характеров. У каждого артиста драмы в репертуаре немало ролей, представляющих образы различных народов мира, и мы хорошо знаем, сколько труда и терпения требуется, чтобы найти ту необычную интонацию в произношении текста, которая напоминала бы мелодию языка того или иного народа. Иногда один своеобразный жест помогает создать конкретный народный характер. Мы работаем над новым образом месяцами и, воплощая в спектакле, создаем тот или иной характер в течение всего спектакля. Потому-то и поражает нас, актеров театра, искусство Тамары Ханум, которая в один вечер, в одной программе, перевоплощается много раз, каждый новый номер актрисы раскрывает не просто новый характер, но характер типично национальный.

Если проанализировать способы воздействия на зрителей в искусстве Тамары Ханум, то, пожалуй, первое, что моментально переключает зрителя на восприятие нового героя, — это костюм. Каждый народный костюм актрисы — высокое произведение сценического искусства. Мне известно, что каждый костюм Тамары Ханум не только шит по типу народного, национального, но имеет непременно какую-либо чисто этнографическую деталь. Скажем, в испанском номере у Ханум настоящий севильский черепаховый гребень, в норвежском номере — деревянные башмаки, в японском — и обувь, и платье, и прическа, а вот индонезийский шит несколько иначе, но из индонезийской ткани. Тамара Ханум говорит, что эти детали костюма, созданные руками представителей народа, песню которого она поет, помогают ей моментально войти в образ, зажить новой жизнью. И это понятно. Но что хочется отметить особо — Ханум ведь не просто берет любой национальный костюм, она выбирает тот, что наиболее удобен и выразителен, и сама отбирает те детали, что выделяют особенности национального характера, помогают создавать в танце этот характер.

Костюм армянского номера подчеркивает стройность и изящество, актриса кажется в нем много выше своего роста, и тут же в корейском номере Тамара Ханум воспринимается, как женщина небольшого роста, мягкая, изящная. Когда актриса поет узбекские серьезные песни, она одета в длинный черный бархатный халат, который подчеркивает строгость эпического содержания песни, и сам облик актрисы, я бы не побоялась сказать, — героический, вдохновенный. А вот песенка «Аяджон» — о ферганской девчонке-озорнице — актриса одета в пестрое, недлинное платье из атласа, короткая жакетка стягивает талию, на голове тюбетейка, на ногах потертые туфельки, — уже сам костюм готовит нас, зрителей, к шутке, радостной и незамысловатой. Мастерство исполнения этой песенки так велико, что зрители действительно воспринимают номер, будто бы исполненный юной девушкой.

Вглядываясь в программу актрисы, понимаешь, что и из национального танца Ханум выбрала наиболее типичные движения и жесты, необходимые ей для создания образа. Я помню сербскую песню «Красная звезда» — Ханум исполняла этот номер в белоснежном атласном мужском костюме, а в руках горела алая шелковая косынка, она выбегала на авансцену и вставала широко, устойчиво расставив ноги, закинув руки за голову, выпевая длинную вокальную фразу без слов, будто призыв. В этом номере было несколько танцевальных движений, но главным стала вот эта поза — вольная, гордая, орлиная.

Безусловно, вот этот необычайно точный отбор главного, наиболее выразительного в танце, песне и костюме того или иного народа — и есть большое искусство большой узбекской актрисы.

Галина ЗАГУРСКАЯ.